

...Благими намерениями вымощена дорога в ад

Парадокс Гретхен

Роман

В Е Р А
КОЛОЧКОВА

Вера Александровна Колочкова

Парадокс Гретхен

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4999093

Вера Колочкова. Парадокс Гретхен: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62730-1

Аннотация

С известной героиней «Фауста» Асю роднит изначально уготованная ей роль жертвы. Долгое время женщина не противится судьбе, но, сама не замечая, толкает на такой же путь собственных детей. Получается парадокс: она – и Гретхен, и Мефистофель одновременно. Но однажды Ася понимает: пора брать судьбу в свои руки. Только не поздно ли?..

Книга также издавалась под названием "Витамины для черта".

Содержание

Часть I	4
1	4
2	20
3	36
4	51
Часть II	59
5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вера Колочкова

Парадокс Гретхен

Часть I

1

Телефон звонил долго и назойливо, заставляя напрячься, вынуждая натягивать на себя одеяло и даже засовывать бедную голову под подушку в надежде, что вот-вот прекратится это проявление чьей-то ранней нахальной бесцеремонности. Наконец настойчиво-требовательные звонки смолкли, но не успела Ася вздохнуть с облегчением, как тут же оголтело заверещал ее старенький мобильник, оставленный с вечера на тумбочке у кровати. Ну что ж, это уже серьезнее. От этих звонков голову под подушку не спрячешь и под одеяло ящерицей не нырнешь. Тем более что и имя, обозначившееся на ярком голубом дисплейчике, ей никак не позволяло поступить таким образом...

– Да, Жанночка, я тебя слушаю, – хриловатым со сна голосом пробормотала Ася в трубку, все еще не решаясь окончательно раскрыть глаза. А вдруг у Жанночки минутный какой вопрос, который удастся быстренько решить и, нажав на

кнопку отбоя, снова погрузиться в желанный сон...

– Аська! Ну в чем дело-то? Ты почему трубку не берешь? Я звоню, звоню! Спишь, что ли?

– Так сегодня же суббота, Жанночка! Я выспаться наконец хотела...

– Ну и что? Не жить теперь, что ли, если суббота? Давай вставай быстро и ребят буди. Мы с Левушкой за вами через полчаса заедем.

– Жан, подожди... Как – через полчаса?! Мы же вчера не договаривались! Ты бы позвонила, предупредила. Мы и не готовы совсем...

– Да какая разница – договаривались, не договаривались! Так надо! У Левы обстоятельства изменились! У него сделка крупная срывается, вот и приходится для какого-то важного перца – чиновника поляну срочно накрывать! Левушке позарез его подпись в бумагах нужна! Так что давайте быстро-быстро собирайтесь и едем к нам на дачу. Надо, чтоб к приезду этого товарища все было готово: шашлык-машлык, водка-баня... И шеvelись быстрее, Ася! Чего ты сопишь в трубку, как малолетка капризная? Почему я тебе растолковывать все должна, делать мне больше нечего, что ли? Раз сказала – надо ехать, значит, надо ехать!

– Жан, так может, я одна поеду? У ребят какие-то планы, по-моему, на сегодня...

– Ой, ну какие еще планы! Брось! Этот чиновник грозился вместе с семейством завалиться, а у него там дети... Кто

их развлекать будет, по-твоему? Да и вообще, куда мы без Пашки, сама подумай! Сыночек твой со своими песенками у нас всегда идет как гвоздь программы... Давай, Ась, быстренько, ну что ты никак не врубаешься в ситуацию-то, господи! Только время на разговоры теряем, а нам еще на рынок надо заскочить, мясо для шашлыков выбрать... Давай, шевели помидорами, ну?!

– Да, Жанна, встаю уже...

– Ой, Ась, и пусть Пашка гитару не забудет, как в прошлый раз! Ты там проследи за ним. Ну, все – через полчаса выходите, чтобы мы вас не ждали, а то Лева психовать начнет...

Откинув одеяло, Ася села на постели, очумело потрясла головой. Господи, как же ей хотелось в это утро выспаться... Но ничего не поделаешь: надо подскакивать шустрым зайчиком и второпях собираться на Жаннину с Левушкой дачу – нельзя друзей подводить. Тем более – таких. За которыми и в огонь и в воду, и в любые обстоятельства, и чтобы обязательно при этом свою преданность и благодарность проявить. А главное – в ее, Асиной, дружбе крайнюю необходимость доказать...

Они дружили давно, еще с института. Еще когда и жены не были. Правда, Жаннин Левушка с Асиным Павликом часто ссорились и даже дрались однажды по-настоящему, до выбитых зубов и свернутых прилюдно челюстей, но все равно быстро мирились. Выясняли бурно отношения и вновь

заклучали мир. А когда поженились, дружили уже семьями: вместе ездили в отпуск, вместе отмечали все праздники, даже совместно, можно сказать, растили родившихся еще в студенчестве Асиных и Пашиных детей – своих-то у Жанны с Левушкой как-то не случилось... Вообще, хорошие были тогда времена: все жили примерно одинаково, и никто никому особо ничего не доказывал. Это потом все пошло-поехало кувырком так, что бывшие друзья начали распределяться по разным уровням материально-социального положения. А их дружбы, казалось, это пресловутое разграничение будто и не коснулось. Несмотря даже на то, что Левушка в победившем капитализме вполне удачно устроился, быстренько разбогатев-раздобрев, а Павлик так до конца и сохранил преданность своему несчастному НИИ и разрабатываемой в его лаборатории научной теме по сохранению каких-то там совсем уже погибающих природных ресурсов, бесконечно пребывая в длительных сибирских командировках. Дома лишь наездами бывал. Зато уж когда появлялся – у всех праздник наступал: и у Аси, и у детей, и у друзей... Хороший был у нее муж. Умный, талантливый, веселый. И жизнь свою короткую прожил – как песню пропел. Три года назад погиб в этой своей сибирской экспедиции, разбившись на стареньком вертолете над тайгой, оставив Асю одну с двумя детьми на руках – семнадцатилетним Пашкой и четырнадцатилетней Светланкой – как хочешь, так и поднимай... С тех пор она дружила с Жанной и Левушкой уже одна, после смерти Павла испуган-

но и окончательно-намертво к ним прилепившись. Потому что надеяться ей было больше не на кого. Потому что они действительно и очень по-настоящему ей помогали: Левушка даже сам для Павлика хороший институт выбрал и плату за обучение сразу за пять лет вперед внес.

– Павлик, Светочка, вставайте! Ну же, быстрее! Мы собираемся и едем к Соколовым на дачу! И у нас всего полчаса на сборы! – Ася, суетясь, стала поднимать детей.

– Мам, ты чего? Звонишь над ухом, как будильник. Так и перепугать человека можно насмерть... – поднял на нее с подушки лохматую голову Павлик. – Что случилось-то?

– Павлуша, ну вставай же быстрее! Говорю тебе – срочно едем на дачу к Жанне и Леве! И гитару свою не забудь, как в прошлый раз...

– Мам, да куда я не поеду, ты что?!. Я с ребятами уже договорился – репетиция у нас! У меня ни минуты свободной сегодня нет!

– Павлик, да как же ты... Да ты... Ты вообще соображаешь, что ты говоришь? Дядя Лева на тебя надеется, а ты...

– А чего ему на меня надеяться, с какой стати? Я что, обязан его пьяных краснорожих гостей развлекать? Тоже мне, друзья-акулы... Не хочю! Я им не публичный мальчик на разогреве!

– Паша, ну как тебе не стыдно, господи... Что ты говоришь такое... Дядя Лева на помощь твою так рассчитывает, а ты... Да он же тебя как родного сына любит! И вообще, на-

до уметь быть благодарным, Паша! Не ожидала я от тебя...

Ася всхлипнула, сжала горестно плечи и, закрыв лицо руками, вышла из комнаты сына, выразительно хлопнув дверью. Но, как только вышла, ладони от лица моментально отняла – некогда ей тут спектакли разыгрывать, надо еще Светку будить. Та еще строптивица. А Пашка и без того на ее слезы очень правильно среагирует – так, как надо...

– Мам, все, меня призывать к порядку не нужно, я уже сама встала! – выскочила из своей комнаты дочь. – Чур, я первая в ванную! Потому что я сегодня хорошая девочка, послушная! – проскакала она мимо Аси резвым козликком, взмахивая спутанными неестественно-белыми волосами.

– Да уж, послушная... – проворчала ей вслед, улыбаясь, Ася. – А кто вчера волосы взял и так дико-вульгарно высветлил? Ты стала похожа на продавщицу из овощной палатки! Вот тетя Жанна тебе сейчас покажет, где раки зимуют! Даже неудобно за тебя, ей-богу. Могла бы и совета у нее спросить! Тетя Жанна так любит, когда ты с ней советуешься...

Не успела она развернуться и уйти на кухню, как дверь в комнату сына открылась и выпустила на свет виноватого Пашку – на него материнские слезы всегда быстро и безотказно действовали. Если не злоупотреблять этим, конечно. А Ася и не злоупотребляет – просто сегодня случай особенный: раз Жанночка сказала Пашку привезти, значит, надо обязательно его привезти.

– Мам, да поеду я, поеду. Не реви только, ладно? Сейчас

позвоню, ребят предупреджу. А кроссовки мои старые где?

– Не знаю, Паш. Да ты новые надень! Те, что тебе тетя Жанна недавно подарила, фирменные. Там какие-то люди нынче серьезные собираются, нехорошо быть плохо одетым. Левушку подведешь. А ребята твои обойдутся, можно и не звонить, подумаешь, репетиция у них... Что еще за репетиции такие, ей-богу?.. Вы что, выступать где-то собираетесь с вашей суматошной, крикливой музычкой? Лучше бы занимался больше, а не на гитаре брэнчал попусту! Кстати, ты ее с собой не забудь взять, тетя Жанна просила напомнить...

– А зачем? – снова начал заводиться Пашка. – Зачем гостям тети Жанны слушать мою крикливую музычку, как ты о ней отзываешься? Раз она такая плохая, так я и не навязываюсь! На вкус и цвет, мамочка, товарищей нет!

– Ну ладно, ладно, вечно ты ворчишь на меня... Ну сказала мать не то, уж и простить ей нельзя? Иди-ка вон лучше сестру поторопи, а то и умыться не успеешь.

– Мам, а может, и Маргошу захватим? Она быстро соберется, тут же рядом! – с надеждой спросил юноша.

– Нет, сынок, неудобно. Они про Маргошку ничего не говорили. По-моему, она им не очень и нравится, девица твоя, да и места в машине для нее не будет...

Не любила Ася Пашкину девушку, не лежала к ней душа почему-то. Несмотря на то, что сын встречался с ней уже пять лет – с восьмого класса дружат, девушка все равно оставалась чужой для Аси. Да и Маргоша в дружбу особо не стре-

милась, держалась на дистанции, улыбалась только вежливо-равнодушно, приходя в гости, и все...

Левушкин «Лексус» уже ждал их у подъезда. Жанна, уместив свои внушительные телеса на переднем сиденье, нервно и нетерпеливо курила в открытое окно и очень презентабельно смотрелась в кокетливо повязанном, по молодежной моде, платочке на голове и черных стильных очках, зачем-то присобаченных к этому платочку поверху. И правда, зачем – солнца-то никакого не было и в помине, небо еще с вечера заволкло хмурыми, тяжелыми тучами, и вот-вот грозился пойти нудный осенний дождь. Но Ася знала: это он здесь, в городе, надоедливый, а в желто-красном осеннем лесу совсем даже и наоборот – тихий и задумчивый, оттеняющий влажно-теплую красоту природного чувственного увядания. И вообще, легкая сырость лесу всегда к лицу: и дышится легче, и краски мягче. И для стареющей женской кожи этот лесной влажный воздух тоже весьма полезен...

– Привет, Аська! Здорово, Пал Палыч! Светка, наше вам с кисточкой... Садитесь быстрее, опаздываем! – улыбнулся им, выйдя из машины, Левушка. – Давай, Пашка, грузи гитару в багажник...

– Светка, ты с ума сошла? – недовольно уставилась Жанна на девочку, выщелкнув окурок в окошко, и даже головой резко и возмущенно дернула так, что стильные ее очки чуть не свалились с платочка на нос. – Ты когда успела себя испохабить-то? Сейчас с такими соломенными патлами уже и

не ходит никто! А ты, мать, куда смотрела? – обернулась она к уже примостившейся на заднем сиденье Асе.

– Да разве за ней усмотришь? – Ася расстроено махнула рукой. – Я сама, как вчера увидела, чуть в обморок не упала...

– Светка! Я понимаю, ты мать проигнорировала – она для тебя не авторитет. А со мной почему не посоветовалась? Ну, ты даешь... А я хотела в понедельник тебя на шопинг с собой взять! Приодеть хотела на сезон грядущий, а ты вон что... Эх, ты... Сейчас и по магазинам-то приличным с тобой стыдно будет пройтись – на лахудру с рынка стала похожа. Не ожидала я от тебя дурасти такой...

– Ну, что теперь поделаешь, тетя Жанночка? Значит, не судьба мне с вами на шопинг попасть! И в самом деле, не позориться же? – садясь вслед за матерью в машину, с девчоночьим озорным вызовом произнесла Света, за что Ася незаметно, но довольно-таки сильно дернула ее за руку: заткнись, мол, я тебя умоляю...

Жанна любила брать с собой Свету на шопинг, Асю почти никогда не приглашала, а вот девочку звала в эти рейды с удовольствием. Да и сама Ася не претендовала на участие в этих походах по дорогушим магазинам. От одного только взгляда на ценники у нее нервная тошнота подступала к горлу и ступор какой-то находил – ну какая из нее, в таком-то состоянии, советчица подруге... За этими космически невероятными цифрами она и одежды-то самой, как таковой, не

видела, а только автоматически сравнивала эти цены со своей зарплатой да замирала от тихого ужаса. А Света – та ничего. Потрясения не испытывала и от ужаса не замирала: и зарплату у нее еще своей не было, и сравнений неприятных тоже, естественно, пока никаких не возникало...

А в магазинах Жанна ласково называла Свету «дочей». «Ну как, доча, мне это идет?» – кокетливо-громко спрашивала она, косясь на молоденьких продавщиц, собравшихся поглазеть на этот миниатюрный спектакль под названием «успешная женщина с красивым ребенком на шопинге». Она и Светку в этих честолюбивых походах обряжала-экипировала полностью, может, с еще большим даже удовольствием, чем себя. Образ из нее создавала, как писатель какой или художник. Или скульптор. Или модельер. Вдохновенно-творчески относилась к этому процессу. И Ася всегда потихоньку радовалась, что две ее основные и самые трудные материнские проблемы так удачно разрешились. И девочка престижно, дорого одета, потому как на девчоночьи стильно-модные прикиды никакой ее зарплаты не хватит, и мальчик в хороший институт с наличием военной кафедры учиться пристроен, что и проблему с армией тоже благополучно решает...

– Господи, Пашка, как же ты на отца становишься похож! – грустно произнес Лева, разглядывая юношу в зеркало заднего вида. – Он вот так же брови к переносице сводил, когда чем-то недоволен был... Чем недоволен-то, Пашка? А?

– Всем доволен. Счастлив даже. А что? С утра взяли и изнасиловали, можно сказать... Отчего ж не получить удовольствие?

– Ого! – рассмеялся весело Лева. – Смотри, как мы отвечаем! Весь, весь отцовский строптивый характер... Ну да ничего, Пашка, вот закончишь институт – и сразу ко мне на фирму пойдешь. Я твой характер переделаю. И человека из тебя тоже сделаю. Мне преданные люди ой как нужны! И деньги я тебя научу делать. Нынче человек без денег, Пашка, за человека вовсе не считается. Ты учишься-то хоть как, а?

– Да нормально...

– Нравится?

– Да как вам сказать...

Теперь уже Пашку Ася изо всех сил незаметно дергала за рукав куртки – ну что за дети такие, ей-богу! Ведь не маленькие уже, должны понимать, в конце концов, кто для них есть такие Лева с Жанночкой... Что, трудно сделать благодарное выражение лица хотя бы? Или ответить пожизнерадостнее? Не убудет ведь от них...

Минуя пустые в этот ранний час улицы, они выехали из города и помчались по недавно отремонтированному, на западный манер, шоссе. Дача Левы и Жанны была расположена в весьма престижном пригороде, и потому дорогу эту делали довольно долго, кропотливо и тщательно. Зато ехать по ней теперь – одно удовольствие. Дождь все-таки надумал пойти, начал наискось чертить пунктирами-капельками параллель-

ные прямые на окнах, и музыка из динамиков лилась соответствующая: грустная и совсем немодная. Музыка со старой пластинки их молодости... Асе сразу вспомнилось, как они ездили на эту дачу раньше, – тогда еще у Левы не было «Лексуса», а был старенький, купленный с десятых рук раздолбанный «жигуленок», и они так же сидели с Павликом на заднем сиденье, держа детей на руках, да и дача у Жанны севой в то время еще представляла собой малюсенький однокомнатный щитовой домик в окружении картофельных да луковых грядок. Это сейчас там дворец настоящий...

«Дворец» открылся им сразу из-за небольшого пригорка, при въезде в поселок – показались многочисленные башенки, крытые матовой красной черепицей. Необычный такой домина: желто-красный, праздничный, как пряник. И неизвестно в каком духе и стиле построенный: то ли игра болезненного воображения архитектора, то ли самих хозяев... Хотя внутри этого странного дома было очень мило и уютно: через огромные окна в комнаты практически шагнули красивые осенние пейзажи, видна была и небольшая речка – чистая, быстрая и продуктами никаких смертельно ядовитых производств не отравленная; говорили, что в ней до сих пор даже раки водятся.

К приезду Левушкиных гостей – молодой и надменной супружеской пары с двумя дочками-подростками – у них уже все было готово: нежная рыночная свинина успела истомиться до изнеможения в остром уксусно-луковом мари-

наде, баня была протоплена на славу и пряно-зазывно источала березовый запах, и даже небо милостиво распогодилось, заиграли робкие солнечные лучи на мокрой траве аккуратно подстриженного газона. Все, все было готово к приему нужных и дорогих гостей. Все, кроме настоящего, не показного хозяйского радушия да истинной веселой искренности, которые никоим образом, подсуетившись, заранее приготовить, к сожалению, невозможно, как шашлыки, например, или баню, как уж тут ни старайся. Хотя изобразить таковые чувства, конечно, можно постараться, что и делали сейчас, яростно тужась, Жанна с Левушкой, только не получалось у них ничего. Все равно вылезало на первый план некое игривое притворство, молчаливая договоренность на сегодняшнюю только дружбу, на вечер непринужденного вроде бы общения. На самом-то деле оно было весьма и весьма принужденным, но что делать, раз так надо... Особенно старалась Жанна. И смеялась громко, откидывая голову назад, – в совершенно не свойственной ей обычно манере – и заглядывала вопросительно-весело, по-бабьи и по-свойски как бы в надменные глаза супруги Левушкиного нужного человека, и гоняла бедную Асю туда-сюда с поручениями так, что та практически с ног сбивалась. Ну да, а кого же еще Жанне гонять, если не Асю, – она ж здесь не чужая, всегда знает, где и что взять... Сама-то хозяйка ни на минуту от этой гусыни отойти не может, ее ж развлекать надо. А Ася здесь не гостья, Ася здесь своя, давняя подруга-помощница...

Вот Светка – та молодец. Девочка быстренько двух чиновничьих дочек раскрутила, несмотря на их малолетнюю, уже проявившуюся надменность. Все носилась с ними по лесу и визжала, как молодая поросытина, и напрягаться-тужиться ей для этого не понадобилось. А потом их к столу привела – веселых, покрасневшихся, растрепанных. Дети как дети оказались. Обычные смешливые девчонки. А когда из машины выходили, так просто куда там – ни на одной хромой козе запросто не подъедешь... А уж когда Пашка гитару взял да запел свои, по Асиному мнению, простовато-глуповатые душещипательные песенки, они вообще глаза на него вылупили да так их на нем и оставили. И что они, молодые, находят в подобных дурацких песенках? Ася никак этого понять не могла. Ну, выйдет какая-нибудь неухоженная, насквозь лохматая девица с гитарой на сцену, запоем где-то трескучим, где-то с хрипотцой голоском что-то вроде «...я помню все твои трещинки, пою твои-мои песенки...» Что тут такого-то, господи? От чего тут с ума сходить, объясните? Трещинки какие-то... Вот и у Пашки примерно такие же песенки-трещинки получаются. И, удивительно, тоже нравится всем до безумия...

А еще она видела, что Пашка психует. И старается не показывать этого вроде, и улыбается всем вежливо-приветливо, но она понимала, как плохо ему здесь. Неуютно. И с гостями этими неуютно, ипеть им неуютно, и вообще, как будто его здесь и нет. Почти все время, отойдя подальше от

плавно тусующегося вокруг стола подвыпившего народа, он ходил-гулял где-то в сторонке, и, прижимая к уху мобильник, нервно размахивал во время разговора свободной рукой, словно доказывая что-то неведомому для Аси собеседнику. Хотя какому уж там сильно неведомому – наверняка с Марго своей разговаривает. Придумала же девчонка себе имя красивое – Марго! Какая там, к черту, Марго? Ей и не идет вовсе. Обыкновенная Риточка – русоволосое и бледненькое создание. Ну, длинноногая. Ну, худенькая. Симпатичная, конечно. А какая сейчас из них, из нынешних молодых, не длинноногая и не худенькая? И не бледненькая? Все они – дети города. Вернее, дети каникул, в этом городе безвыездно проведенных по причине родительской бедности. И все одинаковые. И нечего себе имена красиво-звездные придумывать. Марго она, видишь ли... Вот Ася, например, принципиально ее Риточкой зовет и не иначе, потому что встретишь такую Марго на улице – пройдешь, не заметив, как мимо стены. А у этой гонору – и впрямь как у звезды какой. Знаем мы этих звезд из последнего ряда провинциального кордебалета...

Но суматошный день Пашка, надо отдать ему должное, стойчески вытерпел до конца. И сбежал на электричку только после того, как Жанна с Левушкой проводили, наконец, своих важных гостей. Остаться ночевать они не захотели ни в какую, так и уселся нужный Левушке перец-чиновник пьяненьким за руль машины – видно, никаких гаишников не бо-

ялся. И Жанна после их отъезда сразу перевернулась, будто сбросила с себя личину приветливости и отпустила лицо на волю. И держаться от этого лица следовало теперь подальше – уж кто-кто, а Ася свою подругу хорошо знает... Попадешь ей сейчас под руку – мало не покажется. Хотя Ася вполне, вполне ее понимала... Поизображай-ка из себя счастливо-глупую простушку да позаглядывай просительно в чужие надменные рожи... Может, кому-то это и простым делом покажется, но только не ее себялюбивой подруге. И потому, когда Жанночка попросила убрать-перемыть оставшееся после гостей безобразие, Ася согласилась быстро и безропотно. И Жанна с Левушкой благополучно ушли спать. А она еще долго потом посуду мыла – полночи почти. А если бы Светка ей не помогла, так и всю ночь бы провозилась. В общем, опять позже всех спать легла. И когда ей удастся выспаться, наконец?

Домой они попали только на следующий день к вечеру. Обойдя всю квартиру, Ася поняла, что и Пашка тоже в их отсутствие тут не появлялся. Интересно, где он ночевал эту ночь? Сказал, домой поедет... Сразу к Марго пошел? Или у друзей каких-то остался?

О детях Ася всегда беспокоилась. И вообще, придерживалась того мнения, что хорошая мать просто обязана каждый шаг своего ребенка знать и отслеживать. Где он, как он, с кем он... И бесконечно спорила раньше на эту тему с мужем, с Павликом, который все время толковал ей про свободное развитие личности, про унижительность родительского давления и какую-то там зону личного пространства, в которую никоим образом никому вторгаться нельзя. А что – она и не вторгается ни в какую такую зону. Она просто беспокоится и тревожится. Тревожится и беспокоится... Она же мать все-таки. А долг материнский перед детьми пока еще никто не отменял. Так что не прав был ее Павлик, совсем не прав...

Вообще-то с ним очень интересно было спорить. И жить ей с ним было хорошо. Уютно, комфортно, весело. Правда, замуж за Павлика Ася выходила по определенному расчету – не материальному, конечно, но все равно по расчету. За доброту его выходила, за ум, за спокойный характер. Злобы, глупости да пустой суеты она с детства полной ложкой нахле-

балась, всякого натерпевшись от матери, женщины одинокой, несчастной и нервной, рассматривающей свое материнство исключительно как недоразумение и божье наказание, посланное ей за грехи прелюбодейские, – ей, бедной, и так вроде нелегко живется, а тут еще и ребенка кормить-одевать надо, и воспитывать, и в люди выводить. Сплошные долги, а не материнство. А долгов ей не хотелось, ей только радости от жизни хотелось...

В замужестве Ася быстро отогрелась душой. Получила, можно сказать, все сразу и всего много. Щедрыми, полными порциями получила и тепло, и любовь, и заботу, и защиту, поначалу ей даже казалось, что чрезмерно много выпало на ее долю всех этих добрых чувств. Хотя, говорят, любви много не бывает. Но это для тех не бывает, кто рос в ней, в любви-то. А на кого она сразу мощным потоком низвергается, тот и захлебнуться может ею с непривычки очень даже запросто.

И в дальнейшем тоже, когда мужа подолгу не бывало дома, все равно чувствовала себя защищенной. И достатка у них в доме никогда не было большого, а она будто ни в чем и не нуждалась. Жила себе и жила, на других не оглядываясь. Подумаешь, шубы дорогой нет – не больно-то и хотелось, господи. Главное – у нее муж Павлик был. И находилась она в постоянном, радостном чувстве ожидания его возвращения, как ждут свершения невероятно счастливого события... А потом и сына решила тоже Павликом назвать –

так ей мужнино имя к душе да к сердцу пришлось. А теперь вот нет его, и она растерялась совсем. Бояться всего стала. И жизни бояться, и безденежья, и неустроенности, и за будущее детей... И еще – жалеть себя стала часто. Прямо до слез жалко порой себя, такую вот потерянно-неприкаянную...

– Мам, ты чего это?

Зашедшая на кухню Света уставилась на нее удивленно и даже протянула к ней руку, словно хотела погладить по голове.

– Я? А что? Я ничего... – вынырнула из своих невеселых мыслей Ася.

– У тебя лицо такое, мам...

– Какое?

– Как у больного спаниеля... Ты устала, наверное? – В голосе дочери звучала искренняя забота.

– Да ничего я не устала! Просто думаю, каким завтраком вас с Пашкой кормить буду? В магазин-то мы не сходили. Может, мне с вечера сырники сделать, а? А утром разогрею...

– Иди-ка ты, мамочка, лучше ванну прими. Полежи, погрейся, расслабься. А сырники я и сама сделаю, – решительно сказала девочка.

– Да как же – расслабься... Ты что? Пашки же дома нет! А вдруг с ним случилось что?

– Да ничего с ним не случилось, мам! Двадцать лет парню! И хватит о нем беспокоиться – он большой уже мальчик.

Иди-иди...

Когда ванна наполнилась, Ася опустила в нее все, что нашлось под рукой полезного: и соль, и мятный шарик, и пену, и даже несколько капель пихтового масла, и с наслаждением улеглась в пахучую, ласковую воду, закрыв глаза от удовольствия. Вспомнилось сразу, как она любила устраивать себе подобные приятные минуты еще в той, относительно благополучной замужней жизни... Нравилось ей вот так побаловать себя, поухаживать за собой тщательно, почистить перышки, перед зеркалом вдоволь да от души насидеться... Вообще, с Павликом она быстро осознала вкус всего хорошего, что пришло в ее жизнь. Не только его любовью свое внутреннее пространство до отказа заполнила, но и себя тоже, как ни странно, научилась любить. Потому и выглядела все годы своего счастливого замужества легкой, как перышко, девчонкой. К тому же была она от природы худенькой, и это обстоятельство при небольшом ее росточке отбрасывало прибывающие годы на порядок назад – никто и никогда не давал Асе ее возраста. А уж пресловутую пословицу эту про маленькую собачку, которая до самой старости щенок, она просто терпеть не могла! И полагала, что придумали ее себе в оправдание злые, старые и толстые тетки. Звучит-то как обидно: старый щенок... Всегда она себе мысленно почему-то постаревшую собачку представляла. Жалкое, конечно, зрелище...

А вот муж ее, Павлик, считал, что не потому она так моло-

до выглядит, что ростом мала да худа, как подросток. А потому, что никак повзрослеть не может. Жизнь, мол, идет и идет себе, а она все еще там, в детстве не очень удачном своем задержалась. Испугалась взрослеть. Или не посмела, может. Или не дали... И повадки у нее все девчоночьи сохранились, и выражение лица трогательно-наивное, как у ребенка, и отношение к жизни точно такое же. Будто она, жизнь, должна все время только ярким солнцем светить да радовать, а от холода и ветра Асю обязательно муж прятать должен, спиной своей прикрывать. А взрослеть ей вовсе и не обязательно – зачем? Вот и получилось так, что осталась она после Павлика вдовой-девочкой, растерянной и испуганной, которая ничего больше не умеет, кроме как жалеть себя и плакать да горестно за детей тревожиться...

А что – Ася, если честно, только так и вела себя после Пашиной гибели: сидела, и плакала, и себя жалела. А потом еще и страх сильный навалился, что не справится она с этой взрослой и самостоятельной жизнью, что вдруг потеряет последнюю свою опору – Жанночку с Левушкой. Ей даже сон такой часто снился, однообразно повторяющийся: будто стоит она на высокой горе одна, и со всех сторон дуют ветры злые, и вот-вот ее с этой горы снесут, и она с трудом на ногах держится, и ежится от холода, и взывает о помощи... В таком душевном напряжении и живет последние три года, в этом бесконечном страхе. Уже сама на себя не похожа стала...

Ася вздохнула, открыла глаза и села. Отогнав от себя

пышную шапку белой пены, взяла в руки небольшое овальное зеркало, оставленное Светой на полочке, внимательно взгляделась в свое отражение. Да уж, ничего хорошего. Права Светка, действительно как у больного спаниеля лицо. Очень похоже. Выражение трагической обеспокоенности совсем не шло ему, делало его смешным и жалким. Хотя раньше оно ее вполне устраивало – лицо как лицо, симпатичное, круглое и милое, в обрамлении русых, выстриженных аккуратным каре волос, в меру улыбочливое, в меру доверчиво-открытое... И когда только успели образоваться эти глубокие морщинки-бороздки на переносице? Видимо, она все время так сильно морщит лоб, сводя горестно брови? И глаза будто опустились внешними уголками, поплыли-поехали вниз в мелкой сеточке морщинок, и выражение у них такое страдальчески-напряженное... Да уж, только длинных свисающих ушей не хватает. Точно – спаниель. Еще и больной совсем к тому же.

Положив с досадой зеркало обратно на полочку, Ася погрузилась с головой в воду, оставив снаружи только лицо, будто спряталась в мыльной ласковой и уютной теплоте. Вот и остаться бы в ней навечно, и не выходить навстречу жизненным трудностям и тревогам... Только нельзя. Пашки же дома нет. И телефон у него отключен. Где он ночевал-то? Хорошо, если у Маргоши. А если нет? Он же еще про репетицию какую-то говорил... И что это за репетиции такие? Надо учебой заниматься, а не ерундой всякой. Вот пусть только

домой придет, уж она с ним поговорит внушительно на эту тему. Придется опять и стыдить, и пугать, и плакать. И на жалость к себе давить. И на долг. И на совесть. Мозги вправлять таким нехорошим образом, в общем. А что делать? Господи, как же трудно, как невозможно трудно одной детей на ноги поднимать...

– Свет, ну что, Павлик не пришел? И не звонил? – выйдя из ванной, тут же кинулась она с вопросами к дочери, честно стоящей у плиты, как и обещала, над сковородкой с сырниками.

– Ну мам, ну успокойся! Что ты, в самом деле! Мало тебе от тети Жанны досталось, что ли? Еще и сама себя изводить будешь?! – успокаивающе проговорила девочка.

– А при чем тут тетя Жанна, Свет? – обиделась вдруг за свою подругу Ася. – При чем тут досталось, не досталось? Чего-то не пойму я тебя...

– Да чего тут понимать, мамочка? Смотреть же больно, как она с тобой обращается! – с горечью ответила дочь.

– И как, как она со мной обращается?

– Бесцеремонно, вот как. Как с пустым местом. Как с прислугой. Как хозяйка твоя, единовластная владычица...

– Свет, ну что ты такое говоришь, господи... – растерялась вдруг Ася и не нашлась, что сказать, чтобы правильно объяснить дочери, что та вовсе, вовсе не права в отношении Жанночки. Куда-то вдруг подевались все нужные и важные слова, и опять так жалко стало себя, хоть плачь... Но пла-

кать она, конечно, не стала. Нельзя было ей сейчас источать слезы. Не тот случай. Надо было сию секунду, собравшись, постараться доказать дочери, что та глубоко ошибается. И потому, торопливо проглотив комок в горле, Ася проговорила сердито, слегка скорбно даже, придав голосу как можно больше материнской строгости: – Ты сама-то хоть понимаешь, что говоришь, дочь? Какая такая владычица? А я что, рабыня, выходит? Тоже, сделала из меня подневольную Изяру! Смешно даже. Детский сад какой-то, ей-богу... И где ты видела, чтобы хозяева своим рабам так жить помогали? Жанна с Левушкой столько всего хорошего для нас делают! Да если б не они, мы бы давно, давно уже пропали!

– С чего бы это мы вдруг пропали-то?.. – буркнула тихо Света, с досадой поглядев на мать. – Ты преувеличиваешь...

– Да? А как, по-твоему, Пашка в институт бы поступил? На какие такие средства я бы его учить стала, если б не Левушка? Да твой брат давно бы уже в армию загремел! Сейчас сидели б с тобой, пригорюнившись, в ожидании всяких вестей дурных, связанных с его армейской службой. Нет уж, не хочу быть солдатской матерью. Не по силам это мне. А ты?!.. Ты бы во что была одета, если бы не Жанночка? В дешевые китайские шмотки? А сейчас ты выглядишь как модель – прямо глаз мой материнский на тебя не нарадуется! Надо учиться быть благодарной, Света! И все! И уметь отдавать себе отчет, откуда и что берется! И вообще, не ожидала я от тебя такого...

– Мам, ну при чем здесь шмотки...

Отставив сковородку с недожаренными сырниками в сторону, Света резко повернула рычажок, отключив мирно светящийся голубой огонек газовой конфорки, и уселась за кухонный стол напротив матери. Сложив перед собой руки и нервно сплетя пальцы, она вздохнула и решительно продолжила:

– Мам, не пойду я больше с тетей Жанной ни на какой шопинг! Ну их, эти ее шмотки! Вот хоть убей меня, не пойду!

– Это еще почему? Ты что, Свет... – испуганно пролепетала Ася. – И не думай даже о таком! Она же от души тебя одевает! И вообще – ты страшно обидишь человека...

– От души?! Это тетя Жанна – от души?! Да не смей меня, мам!

– А как тогда?

– Ну, уж не знаю как, но только не от души! Понимаешь, мне и не объяснить этого вот так, с ходу... А только не хочу больше, и все. Внутри меня что-то сопротивляться начало этому моральному насилию надо мной.

– Да в чем, в чем насилие-то, Светочка? Тебя одевают! О тебе заботятся! Хотят, чтоб ты хорошо выглядела! А ты – насилие...

– Да. Именно насилие, мам. Она же вертит меня на этих шопингах и так и сяк, будто я кукла неживая! Хоть раз бы поинтересовалась, нравятся мне эти тряпки или нет!

– Ну, знаешь! Дареному коню в зубы не смотрят!

– Ну да, все так, конечно! А только от этого коня почему-то подальше держаться хочется! Такое чувство порой возникает, что она меня не одаривает, а, наоборот, отбирает у меня что-то важное...

– Господи, Свет, опомнись! Ну что, что она такое может у тебя отобрать? И сама толком не понимаешь, что говоришь!

– Нет, я понимаю, мам. Только объяснить не могу. Если только о том, что чувствую, попытаться тебе рассказать...

– Ну, так расскажи!

– Ой, как бы это словами выразить...

Света задумалась, смотрела куда-то мимо матери, наморщив лоб. Потом, будто решившись, произнесла на одном только выдохе:

– Она будто вселяется в меня в этот момент, мамочка, понимаешь? И живет во мне. Будто я – это и не я уже, а одна только сплошная тетя Жанна. А меня будто и нет совсем!

– Господи, чушь какая...

– Нет, мам, не чушь! Не чушь! Вот когда она себе что-нибудь в этих дорогущих бутиках выбирает – это еще туда-сюда, этот спектакль у нас нормально проходит. Хотя на ее фигуру шмотки подбирать – это же история целая. На тете Жанне все, что ни надень, как на корове седло сидит... В общем, она примеряет на себя одно, другое, третье, потом психует и за меня берется. Вернее, за вещи, которые мне купить хочет. И ты бы видела ее в этот момент, мамочка! Это не рассказать, это действительно, видеть надо! Как она с любовью эти вещи

трогает, как в руки берет, каким сумасшедшим вожделением глаза при этом горят! Такое впечатление, что меня в этот момент и рядом-то нет. Да что меня – как будто вообще никого в магазине нет! Только она и эти модные одежки, на худую да стройную фигуру пошитые. Мне поначалу даже смешно было. Представляешь, наша довольно внушительных размеров тетя Жанночка, вмиг отрешившаяся от всего земного, – в окружении маленьких модных тряпочек... И она их глазами вожделеет и набирает, набирает целую охапку! А потом ведет меня к зеркалу и примеривать эти вещи заставляет. А у меня опять при этом такое чувство мерзкое возникает, что я – это и не я вовсе. Что нет меня, не существую в природе. Что это не я надеваю шмотки на себя, а она... А потом наступает третье действие этого спектакля, мамочка! Самое отвратительное! Тетя Жанна берет меня за руку и выводит из примерочной на всеобщее обозрение. И опять у нее глаза диким каким-то восторгом горят, и она смотрит на всех будто торжествующе: вот, смотрите, красота какая! А однажды даже взяла и оговорила. Вывела меня и спрашивает у продавщицы кокетливо: «Ну, и как я выгляжу?» А потом опомнилась и поправилась быстренько: «Ой, то есть мы, мы выйдем...»

– Свет, а ты не преувеличиваешь? Как-то странно все это...

– Нет, мам. Не преувеличиваю. Говорю же – мне и самой поначалу смешно было. А потом поняла вдруг: не хочу боль-

ше. Не могу...

– Да почему, почему?! Если даже и так все, как ты говоришь... Тебе что, подыграть трудно? Подумаешь, не спросили ее! Жанна, она вообще такая...

– А зачем, мама? Зачем подыгрывать, если я не хочу?

– Да затем, что я никогда и ни при каких раскладах не смогу купить тебе эти шмотки! Ты знаешь, сколько они стоят? Это же бешеные просто деньги!

– Да и не надо, мам! Нет в этих вещах нужды особой – я их и не ношу практически. Не могу и не хочу: такое чувство, будто в обмен за эти тряпочки меня, сильно пощипав, уменьшили. Будто отрывали каждый раз по маленькому кусочку что-то очень внутренне важное, только мое, очень ценное и невозполнимое, которое ни при каких условиях и трогать нельзя! Потому что оно мое и только мое внутреннее личное пространство. И никому права не дано... Вот как будто обокрали меня или обманули в чем! Или изнасиловали...

– О господи, дочь! Не пугай меня! Я понимаю, что ты девочка тонкая да впечатлительная, но не до такой же степени! Надумала себе бог знает что... Да Жанночка тебя без ума же любит!

– Ну да, любит! Конечно же, – послушную куклу она в моем образе любит, а не меня! С таким же успехом она могла бы за собой манекен по этим проклятым магазинам таскать! Хотя какой манекен – от него ничего для себя не отщипнешь и не переселишься в него так запросто воображением... Жи-

вая же кукла намного интереснее! В общем, мамочка, я не кукла. Я человек. И ни капельки от себя отдавать не хочу. Не пойду я больше с тетей Жанной никуда. Так можешь ей и сказать. И тебе не советую дерьмо за ними по ночам убирать, пока они дрыхнут! Унизительно все это, мама... Унизительно и страшно даже...

– Света, прекрати, наконец! Перестань! Мне надоели твои выдумки! – вспыхнула, разозлившись на дочь, Ася. Очень сильно разозлилась. Потому что на миг представила себе, как будет говорить Жанне, что дочь отказывается в дальнейшем от походов по магазинам... Ася даже лицо подруги вообразила себе в этот момент и содрогнулась вся. Нет, нет и нет, она не выдержит Жанниной обиды, просто физически не выдержит! А то, что Жанна обидится, было совершенно ясно: уж Ася-то ее знала...

– Мам, ну чего ты кричишь... – подняла удивленные глаза Света. – Я же тебе честно, как на духу, а ты злишься...

– Да потому и кричу, что ты чушь, чушь несешь! Ты просто неблагодарная, зажавшаяся девчонка, вот ты кто! Нельзя так людей обижать! Нельзя плевать в колодец, из которого пьешь!

– Да не пью я из этого колодца! Не пью! И пить не собираюсь!

– Да? А как ты, например, милая моя, собралась образование получать? А? У меня нет таких денег, чтобы за твою учебу платить! Или ты у нас отличница-медалистка, на бюд-

жетное место гарантированно поступишь? Они же тебя, Левушка с Жанночкой, и учить будут! Ты что, не понимаешь этого? Я вот, например, прекрасно понимаю! И буду столько дерьма за ними убирать, сколько потребуется! Потому что я-то как раз и умею быть благодарной!

На последней фразе Ася вдруг задохнулась и схватилась руками за отвороты теплого махрового халата, будто в горле у нее застряло что-то очень большое и горькое. Света, испуганно моргнув, посмотрела на нее, и, уже сдаваясь, совсем тихо, еле слышно прошелестела:

– Но так же нельзя жить, мамочка! Нельзя, нельзя...

Потом вдруг, отчаянно всхлипнув, обхватила руками голову и уткнулась лбом Асе в плечо – и через секунду, обнявшись, они уже плакали в голос, вытирая пальцами одна у другой слезы со щек.

– Дурочка ты моя маленькая! Светочка! Ну что же делать теперь, если жизнь так сложилась? – с придыханием, сквозь частые всхлипывания, говорила Ася. – И не выдумывай зря больше ничего! Жанночка нас любит, очень любит... Мы столько лет вместе... Ты все, все себе придумала... Неправда все это, Светочка...

– Мамочка, ну не надо так унижаться, прошу тебя! – перебивая ее и мотая головой из стороны в сторону, умоляла Света. – Это же невыносимо, в конце концов! Как ты этого не понимаешь?.. Да тогда вообще мне не надо никакого образования, я лучше работать пойду... Или своими силами

поступлю...

– Замолчи! – мгновенно перестав плакать, оттолкнула от себя дочь Ася. – Замолчи по-хорошему! И в мыслях даже такого не смей держать! Работать она пойдет! Еще чего не хватало! Кем ты пойдешь работать без диплома?! На рынке в палатке стоять? Или, может, к станку встанешь? И даже заикаться не смей!

– Мам, да я сама попытаюсь поступить...

– Не говори ерунды! Никуда ты сама не поступишь. Ты будешь делать то, что подобает делать в нашем с тобой положении! Так надо, Света. Надо – и по магазинам с Жанночкой будешь ходить столько, сколько ей захочется! Надо – и посуду грязную будешь мыть на даче, и улыбаться, и дружить, и быть нужной и полезной. Надо просто знать свое место в жизни и этому месту учиться соответствовать. И надо уметь быть благодарной, Света. А все остальное – твои глупые выдумки. Чушь собачья...

– Нет, мама, не чушь, не чушь... – пыталась протестовать девочка.

– Хватит! Хватит, я сказала! – уже совсем истерично закричала Ася и заколотила кулаками по кухонному столу. – Ты что, до белой горячки меня довести хочешь, дрянная девчонка? Мало мне достается в жизни, да? Мало я устаю? Мало из-за вас нервничаю? Ты хочешь, чтоб у меня еще и сердечный приступ случился? Этого ты хочешь? Этого?!..

И она действительно схватила за сердце и, согнувшись,

сопровождаемая перепуганным Светиным взглядом, ушла к себе в комнату. Уже лежа в постели услышала, как хлопнул входной дверью вернувшийся вскоре Пашка, как долго шептался о чем-то с сестрой на кухне, как разбрелись дети по своим комнатам и затихли наконец.

Сон долго не шел к ней в эту ночь. Спать хотелось смертельно, но заснуть никак не удавалось: мучили тревога, страх и беспокойство, отгоняя вожаделенный и сладкий сон-отдых. Ася не могла расслабиться: напряженными оставались мышцы шеи, плеч, ледяные ладони судорожно сжимались в кулачки. А под утро, когда наконец-то удалось на короткое время забыться, привиделся ей совсем уж полный кошмар: куда там гениальному Спилбергу с его неумными фантазиями. Снилось ей, как Жанна всем своим мощным туловищем переселяется в хрупкую Свету, как юное лицо ее семнадцатилетней дочери становится лицом Асиной подруги: вот уже и глаза из серо-голубых и наивных стали темно-карими, жесткими и властными, вот и розовые свежие Светины губы окрасились в темно-багровый цвет дорогой французской Жанниной помады, а вот и рука дочери уже поднимается вверх характерным резким Жанниным жестом и грозит ей, Асе, толстым пальцем с намертво вросшим в него кольцом с крупным черным бриллиантом...

3

А утро свое она проспала. Соответственно, проспали и Павлик со Светой – привыкли уже, что мать их непременно разбудит, и дрыхли себе в удовольствие. Умчались все по своим делам, не позавтракав даже, – Ася на работу, Света в школу, Павлик в институт... Ругая себя на чем свет стоит, Ася влезла в переполненную маршрутку и, невзирая на недовольные восклицания водителя-кавказца, поехала стоя, чуть согнув ноги в коленках и упершись головой в потолок. Да и какая разница – при ее росте можно и в маршрутке удобно устроиться. Если бы не высокие каблуки, вообще пряменько бы стояла без всяких ухищрений с подгибанием коленей...

На работу ей опаздывать было никак нельзя. Потому что в рекламном агентстве, где Ася вот уже пять лет занимала скромную должность офис-менеджера, происходила в данный момент самая настоящая революция, то есть смена власти. Правда, она была скорее розовой, эта революция, поскольку власть тихо-мирно перешла всего лишь от мужа к жене, но если учесть все сопутствующие неприятные детали этого события, то обстановка в офисе, если уж следовать этим грустным аналогиям, напоминала наступление жестокого постреволюционного диктаторского режима.

На это достаточно хлебное место Асю привел однокашник, Валерка Маковский, то есть Валерий Федорович, ко-

нечно. Встретились как-то на улице, она и не узнала его сразу, таким стал вальяжно-презентабельным, куда там... Разговорились, естественно, порасспросили друг друга об одноклассниках: кто да что, да кто где кем пристроился. Ася и о себе рассказала. Собственно, похвастаться тогда было особенно нечем: ее бюджетная организация с громким и длинным названием, весьма престижная в прошлом, разваливалась прямо на глазах; и все ждали со дня на день окончательного решения сверху о скорой ее ликвидации и потихоньку, кому как повезет, подыскивали себе другие места – некуда нынче бедному чиновнику и головушку свою прислонить... Ася и не думала тогда ни о чем таком Валерку просить, пожаловалась в пылу беседы – надо же было о чем-то разговаривать, раз встретились. А Валерка вдруг взял да и сам предложил:

– Слушай, Аськ. А давай ко мне на фирму офис-менеджером! А что? Работа, конечно, не ахти какая престижная, но все же лучше, чем ничего. А я тебе платить хорошо буду. Я же помню: ты у нас девушка чрезвычайно обязательная – никогда не подведешь и спокойная, не из скандалисток каких. Я вообще баб шумных не люблю, ты знаешь...

Так Ася и попала на новое место работы. Валеркин офис, после старых, допотопных письменных столов в ее бывшей конторе, показался ей роскошью несусветной – она такое только в кино и видела. Даже квартира Жанночки с Левушкой, которую Ася воспринимала верхом дизайнерского со-

вершенства, перед такой красотой как-то померкла. Валерка встретил ее очень радушно: напоил кофе, представил всем сотрудникам – все честь по чести. А потом коротко и ясно обрисовал ей задачу:

– Аська, я не знаю, каким образом ты будешь это делать, но даю тебе полный карт-бланш. В общем, так: чтоб все кругом было свежо и чисто, чтобы народ в любой момент рабочего дня находился на месте и в то же время все были довольны и сыты, чтоб было здесь в меру дружелюбно и тихо, без бабских этих ваших базарных склок...

И приступила Ася к новой своей должности, и старалась изо всех сил. Что касалось Валеркиных требований насчет свежести и чистоты – с этим было проще всего, конечно, потому что зарплату в Валеркиной фирме платили хорошую даже уборщицам. Вопрос относительно того, чтобы Валеркины сотрудники постоянно пребывали в приятном состоянии сытости, тоже решился быстро: в отдельной комнатке Ася организовала что-то вроде буфета на скорую руку, или «Асиного бистро», как его вскоре окрестили. В кофеварке там никогда не кончался кофе, а в большом термосе – хороший зеленый чай. Можно было на ходу засунуть бутерброд в микроволновку или достать какой-нибудь салатик в пластиковой упаковке из холодильника, а сильно страдающий от возникшего эпигастрального дискомфорта мученик мог себе и овсянку-пятиминутку заварить. Все для вас, ребята, трудитесь только добросовестно...

Но с последним пунктом Валеркиных требований – насчет мирной, дружелюбной атмосферы в коллективе – у Аси были постоянные проблемы. Сама она была девушкой абсолютно неконфликтной. И даже слегка завидовала тем, кто умел конфликтовать, кто жил конфликтом, кто чувствовал себя при этом как рыба в воде. Подобный эмоциональный выброс отрицательной энергии определенного рода людям просто жизненно необходим, остальные же воздерживаются от скандальных ситуаций в силу разных причин.

Ася всегда старалась от любых конфликтов держаться подальше, потому что очень болезненно переживала направленную на нее чужую злобу. Она внутренне напрягалась от сознания того, что кто-то и за что-то на нее внезапно рассердился, возникало чувство душевного дискомфорта, сильно падала самооценка, вызывая на пустом месте чувство вины – голова сама собой втягивалась в плечи. Ася становилась вялой, начинала смотреть заискивающе-виновато – сама себе противна была в такие моменты. Но ей всегда почему-то казалось, что стоит разгневавшемуся на нее человеку увидеть, как она боится этого, как он тут же ее пожалеет, и поймет, и успокоится, усмирив свое раздражение. Ася и возникающие в офисе ссоры-разборки стремилась уладить подобным же образом, виновато извиняясь от своего имени перед каждой враждующей стороной, пытаясь угодить и вашим, и нашим. И оттого еще больше страдала, потому что в конечном итоге переводила весь огонь битвы на себя и получала в свой адрес

уже двойную порцию агрессии и раздражения. Потому что не любят тех, которые и вашим и нашим, таких с еще большим удовольствием обижают. И даже, бывает, объединяются для этого бывшие заклятые враги...

Но, в общем и целом, все у нее шло относительно хорошо до поры до времени. А пора и время наступили совсем уж неожиданно в лице явившейся в их офис менеджера по рекламе Наташеньки, приехавшей к ним из Питера меняться каким-то там опытом по составлению рекламных телевизионных роликов. Никто даже и предположить не мог, что Валерка вздумает в эту Наташеньку влюбиться без ума. Причем настолько сильно, что и жизнь свою благополучную решит поменять на корню, то бишь затеет развод с женой Катериной и уедет вместе с Наташенькой в Питер, дабы начать там все с самого нуля, и даже фирму там другую откроет с той целью, чтобы бывшая жена в новой его жизни никоим образом не высвечивалась. А Катерине, оставленной супруге, предложит шикарные отступные – вот это уже готовое и успешно функционирующее рекламное свое детище со всеми партнерами, сотрудниками и активно действующими наработками. Катерина и согласилась, – а что ей оставалось делать? В конце концов, для сегодняшнего хищного времени это прямо-таки настоящий мужицкий благородный поступок...

Известие о розовой революции, свершившейся так стремительно, повергло всех сотрудников в шок. Катерину, бывшую жену шефа, толком и не знал никто. Видели, конечно,

на корпоративных вечеринках, но скорее на наряды ее больше внимания обращали, чем на проявления характера. Да и зачем им было знать, каков он, ее характер, кто ж думал, что так оно все обернется? И внешность у нее была непримечательная: прямая да сухая, как палка. Имени своему резкому соответствовала, в общем, потому и звали ее все не Екатериной, не Катей, а именно так: сухо и отрывисто – Катериной. А по сути, не столько даже и проявлений характера своей будущей руководительницы коллектив испугался. Тут дело было в другом...

– Валер, ты представляешь, что она с нами сотворит вообще? – испуганно приставала Ася к Валерке, первой узнав от него о готовящихся переменах. – Она же уничтожит тут нас всех одной левой...

– Да ну тебя, Аська, не нагнетай! С чего это ей вдруг вас уничтожать взбредет в голову? С кем она работать-то будет? Она ж в рекламном деле вообще ни бум-бум! Да она на первых порах, наоборот, вам всем в рот смотреть будет!

– А потом?

– Что – потом?

– Ну, когда она в наши рты насмотрится и в курс дела вникнет? Тогда что? Ты думаешь, она нам простит, что мы все были свидетелями твоего скоропалительного романа, то бишь ее унижения? Ты, Валерка, женщин совсем не знаешь...

– Ой, ну что ты так всегда и всего боишься, Аська?! Раз-

дуешь проблему из ничего и трясешься вся... Катерина – совсем неглупая баба, между прочим! Да и выхода у меня другого нет, сама понимаешь. Если я ей свою фирму сейчас не отдам, она меня тоже в покое не оставит. А так – пусть работает, пусть всю свою нерастратченную энергию этой деятельности отдает. Так и унижение свое, как ты говоришь, легче переживет...

– Ага! Она его на нас и выместит, уязвленное самолюбие свое!

– Ладно, Аська, успокойся. Не нагнетай. Да и дело уже сделано – назад не повернешь. Прими все как есть – так уж сложилась ситуация, иных вариантов нет... А насчет Катерины не волнуйся. В общем и целом она очень даже ничего, вполне хорошая баба...

«Хорошая баба», как и предполагала Ася, действительно оказалась весьма далекой от подобного определения в свой адрес. И все дальнейшие события, увы, подтвердили грустные Асины прогнозы. Присмотревшись-примерившись и быстренько набравшись мало-мальского опыта, Катерина начала поочередно выщелкивать, как шашки с доски в детской игре, по одному сотруднику из особо ей не понравившихся. Тех самых, которые и были свидетелями-предателями. Мужиков в основном, с кем особо был близок раньше Валерка и кто вхож был в их дом. Многие и сами быстренько подыскивали другую работу, оберегая себя от лишних стрессов, – кому ж охота быть выгнанным-уволенным? Если да-

же и причина имеется для этого в наличии: и банальная, и объективная – все равно не хочется. В общем, распался коллектив. В агентстве через три месяца после Валеркиного коварного предательства остались практически одни женщины. Ну, кроме двух водителей да дюжего охранника на входе, конечно. Да и тех вполне можно было заменить при желании. Тоска...

Асе все время казалось, что и к ней Катерина с самого первого дня слишком уж подозрительно присматривается. И улыбается при этом как-то странно: не поймешь – то ли сердится, то ли дружить хочет... А недавно вдруг спросила, не знает ли она, какую обычно зарплату платят офис-менеджерам в других фирмах, из чего Ася сделала первый печальный вывод: пора и ей, Асе, подыскивать себе другое место работы. Своими переживаниями и планами она даже поделилась с секретаршей Леночкой, на что девятнадцатилетняя Леночка вполне резонно заметила, что для поисков новой работы у Аси возраст совсем не тот – скоро сорок стукнет. Старуха почти. И вообще, по Леночкиным словам выходило, что в таком солидном возрасте уже и предлагать-то себя другим работодателям не вполне прилично...

– А что же мне тогда делать? – ошарашенно заморгала подкрашенными ресницами Ася. – Дома сидеть, что ли? У меня же двое детей на руках...

– Ну, я не знаю, Ася, ну, придумайте тогда что-нибудь! – скорбно развела руками Леночка, хватаясь за трубку зазво-

нившего телефона. Скороговоркой выпалив кому-то вежливо-быстрый текст про отсутствие на месте руководительницы и совершенное свое неведение о времени ее появления в офисе, продолжила: – Тут, знаете, нужна фишка какая-то особая... Вот, например, можно пожаловаться, что вас муж бросил! А что? Вот Анна Ильинична из бухгалтерии, когда такое Катерине про себя рассказала, так они после этого чуть ли не подругами стали! А?.. Как вам идея?

– Нет, Леночка, плохая это идея... – вздохнула горестно Ася. – Мы же с Валеркой... То бишь с Валерием Федоровичем – одноклассники бывшие, и он вполне ей мог рассказать раньше, что муж мой погиб три года назад...

– Так вы с бывшим шефом одноклассники? Вон оно что... Ну, тогда вам действительно хана, Асенька...

...На работу в это утро она все равно опоздала. И порядочно так, на полчаса целых. Каждый из сотрудников уже успел, наверное, за эти полчаса к вожденной кофеварке в ее «бистро» сунуться. Приучила же на свою голову. Теперь уж и задержаться нельзя... Она не успела еще снять плащ, как к ней заглянула встревоженная Леночка и, округлив большие глаза, проговорила испуганно:

– Ася, вас Катерина уже три раза спрашивала! Вы чего так опоздали? Случилось что-нибудь, да?

– Лен, а она злая сегодня? Или так себе?

– Ну да, не в духе... Я ей сказала, что вы в соседнюю лавку за свежими салатиками убежали. Так что врите правильно,

ага?

– Спасибо, спасибо, Леночка. Я твоя должница. В следующий раз я тебя тоже прикрою...

«А будет ли он вообще, следующий раз-то?» – промелькнула у нее в голове тоскливая мысль, пока она мчалась быстрой испуганной мышью в кабинет начальницы. Робко постучав, Ася вошла и встала у порога с виновато-пристыженным видом, как натворившая неприличных дел школьница. Чувство вины ощущалось так остро, так объемно, будто легло несусветной своей тяжестью на плечи и потянуло их вниз. Ася наклонила голову, закусив губы, задрожавшие от страха и напряжения.

– Заходите, Ася. Садитесь. У меня к вам вопрос. И не вопрос даже, а претензия.

– Да, я слушаю... – пытаюсь изо всех сил унять трусливую внутреннюю дрожь, тихо проговорила Ася.

– Вот ответьте мне, пожалуйста, у нас тут что, богадельня? Или приют для бедных голодных странников? Никто целыми днями не работает, все только в этом вашем буфете толкутся! Я что, обязана всех кормить? Это хоть в одном трудовом законе написано, что работодатель обязан кормить своих сотрудников? А? Я вас спрашиваю, Ася, чего вы молчите?

– Нет...

– Что – нет?

– Ну, нигде не написано... Но ведь у них и официального перерыва нет...

– И что? Это значит, что они должны целый день напролет проводить над тарелкой с чашкой? Вам не кажется, что все это несколько странно? Превратили офис в столовую и рады! Мне кажется, пора прекращать это безобразие. А вы как думаете?

– Я? Я не знаю... То есть все правильно, конечно... Это ваше право...

Ася сбилась и замолчала. Сидела, низко склонив голову и боясь поднять глаза на строгую Катерину. Как скажешь начальнице, что Ася вообще, даже приблизительно об этом ничего не думает? Как просил ее Валерка в свое время, так и делала. Чтоб все довольны были. Чтоб сыты. Чтоб никто и никуда не убежал...

– И потом, я как-то не совсем понимаю ваши основные обязанности здесь, Ася. За чистотой следят уборщицы, канцелярские принадлежности могут покупать себе сами сотрудники, а за их питанием следить – так это вообще нонсенс какой-то, здесь не детский сад с нянечками. Чем вот вы сейчас намерены заняться, например? В ближайшие полчаса?

– Ну... Надо заказать бумагу для принтера и факса, надо съездить к энергетикам сверить счета – у нас переплата идет, потом там от арендодателя нашего письмо лежит, он просит согласовать условия для продления договора, потом...

– Ну ладно, хватит. Я поняла. Идите работайте. А насчет вашего буфета – изложите мне предложения к концу дня. С учетом всех моих замечаний. Будем что-то решать... Выду-

мал же умник какой-то должность такую – офис-менеджер...
Господи...

Катерина презрительно дернула плечом и уткнулась в бумаги, вертя между большим и указательным пальцем красивую тоненькую авторучку. Ася тихо поднялась со стула, обреченно побрела к дверям, стараясь не стучать каблуками, больше ступая на носки. Выйдя из кабинета начальницы, вдруг ощутила страшную усталость, похожую на равнодушное смирение перед гибелью. Опять стало до слез жаль себя, и она даже стоически донесла эти слезы до своего маленького кабинетика, забитого канцелярскими принадлежностями и разного размера коробками и коробочками со всякими необходимыми в хозяйстве вещами. А чуть всплакнув, тут же это дело и прекратила – работы и в самом деле было много. Ее всегда хватает у тех, кто не кричит на каждом углу об авралах и недостатке времени, кто исполняет свои обязанности без показного рвения, незаметно для других, но постоянно, честно и добросовестно. Асе до конца дня и подумать больше некогда было о нависшей над ней угрозе потери работы и заработка, тревожные мысли возникли вновь лишь в переполненном автобусе, в котором она возвращалась вечером домой. Вернувшиеся беспокойство и страх встали перед ней беспощадным вопросом: а куда ты, матушка, и в самом деле устроишься в свои почти сорок лет? И где еще такую зарплату найдешь, которой баловал тебя Валерка на протяжении долгих пяти лет? И слава, слава богу, что у тебя есть

такие друзья, как Жанночка с Левушкой, не бросают они тебя, бедолагу, на произвол судьбы...

Вечером она позвонила Жанночке. Как-то само собой установилось у них это строгое правило: каждый вечер Ася должна была ей звонить и рассказывать обо всем, что случилось за день. И спрашивать мнения. И совета. И слушать комментарии. И не спорить, не дай бог...

Жанночка выслушала ее невеселый рассказ о произошедшем утреннем разговоре с начальницей будто даже и с удовольствием. Задавала вопросы, смаковала-уточняла детали – в общем, проявляла живейший интерес к событиям у Аси на работе. И хохотнула даже весело в трубку, обозвав Катерину Дунькой, которую пустили в Европу, – офис-менеджер ей в агентстве, видишь ли, лишним ртом показался. И на той же радостной ноте вдохновенно начала убеждать Асю в крайней безысходности ее положения, и голос подруги звучал при этом так бодро и жизнерадостно, будто речь шла о каком-то давно ожидаемом Асей удачном стечении обстоятельств, которое вот-вот должно произойти, принеся с собой надежное благополучие, и дело лишь за малым – терпеливо подождать, отбросив всякие сомнения:

– Да ты даже и не думай, Аська! И не обманывай себя! Она обязательно тебе зарплату урежет, вот увидишь! Раза в два точно урежет! Уж она на тебе отыграется, это и загадывать заранее не надо! Так что будь готова. А как наиграется, так сразу и пинка хорошего под зад даст! И правильно сделает.

А как ты хотела? Баба же руководить да командовать вами пришла, а не дружбу водить! Да и зачем ей с тобой дружить, подумай? Ты для нее – не тот формат... И ты это в первую очередь должна для себя уяснить.

– Жанночка, ну как же... Как же это – зарплату урезать? Или, того хуже, выгнать? Нет, это несправедливо... У Валерки никогда по поводу моей работы замечаний не было...

– А ничего, проглотишь и переморгаешься! Куда ты денешься? – вновь жизнерадостно констатировала Жанна, довольно хохотнув. – Так уж этот мир устроен, и ничего с этим не поделаешь – кто-то на ком-то обязательно должен отыграться. Так почему не на тебе? Слушай, Аськ, а с другими она так же себя ведет?

– Да еще хуже, говорят...

– Лбами сталкивает? – допытывалась подруга.

– Как это?

– Ну как, как! Не знаешь, что ли? Это называется «разделяй и властвуй»... Когда людей специально друг против друга настраивают, и они грызутся между собой до потери человеческого облика. Таким коллективом и управлять гораздо легче, и позабавиться можно всегда. Вот Левчик, например, постоянно так со своими людьми поступает. А потом наблюдает...

– Нет, Жанн, такого я не замечала. Никого она лбами не сталкивает.

– Ну и дура, значит! Или не научилась еще! Или во вкус

не вошла! Вот я бы на ее месте обязательно какой-нибудь скандальчик-междусобойчик устроила... И поглядела бы со стороны... И определилась...

В общем, ничего путного ей Жанна не посоветовала. Асю даже обида кольнула слегка, когда, попрощавшись с подругой, она положила трубку. Как в детстве, когда бежала к маме, чтобы она пожалела за содранную коленку, а мама вместо жалости и утешения подзатыльник отвешивала за испачканное платьице... И тут же почему-то вспомнился Асе ее утренний кошмар, навеянный Светкиными дурацкими фантазиями, только странно как-то вспомнился. Потому что вместо Светки в Жанну начала превращаться уже сухопарая и бледнолицая Катерина: начала раздаваться в теле, смуглеть лицом, чернеть волосами и весело прихихатывать Жанниним низким голосом:

– Ничего, Ася, ничего, переморгаешься, куда ты денешься...

Ася сильно встряхнула головой, чтобы отогнать от себя разом и обиду, и наваждение это дурацкое, и даже ласково провела рукой по телефонной трубке, будто пытаясь загладить вину за свое буйное воображение. Чего это она, в самом деле. Ей ли на подругу обижаться? Да если б не Жанночка с Левушкой, она бы с детьми уже давно пропала, сгинула бы из этой жизни к чертовой матери...

4

А на следующее утро Асю ждал еще один неприятный сюрприз: из комнаты сына выплыла, на ходу завязывая пояс Светкиного халата, заспанная Марго и, вежливо с ней поприветовавшись, прошествовала гордо в ванную. Ася только ахнула ей вслед – вот уже до чего дело дошло...

Нет, она не была, по большому счету, ни ханжой, ни блюстительницей чужой нравственности. Все эти современные молодежные отношения, модные так называемые гражданские браки Ася понимала и принимала, конечно же. Но Павлик... К нему, как ей казалось, это вообще не должно было иметь никакого отношения. Потому что у Павлика должно быть все, все по-другому. Примерно так, как она для него и задумала: сначала диплом, потом хорошая престижная работа под крылом у Левушки, чтоб ходил непременно в дорогом костюме, в галстуке, чтобы ожидали всякого рода блестящие перспективы, потом женитьба на хорошей девушке из благополучной семьи, потом свой уютный дом, потом дети... А тут вдруг нате вам – утренняя Марго в Светкином халате! Нет уж, не бывать этому...

Ася кое-как дождалась, пока Павлик проводит девушку до входной двери и вернется на кухню. Прямо все клокотало у нее внутри от нетерпения. И уже совсем было открыла Ася рот, чтобы высказать сыну свое недовольство, но Пав-

лик вдруг сам проявил инициативу, прямо с порога кухни заявив:

– Мам, ну зачем ты себя ведешь так невежливо? Чего ты вызверилась на девчонку, не пойму? Она тебе что-то плохое сделала? Мы, между прочим, уже пять лет встречаемся, и, я надеюсь, ты не думаешь, что мы только под луной гуляем и за ручки держимся...

– Паша! Как ты со мной разговариваешь? Ты что...

Ася выразительно шмыгнула носом и отвернулась к окну. И растерялась даже. Чего это он хамит? Непривычно как...

Детей своих Ася всегда в строгости растила. С самого их младенческого нежного возраста не дозволялось им никаких капризов и баловства. И никакой такой свободы действий, как другие родители, она тоже не приветствовала. Что это за воспитание такое, когда все можно? Можно только то, что действительно можно, и все! Иначе на шею сядут. Вот попробовали бы они хоть раз Асе истерику устроить... Еще чего! Ей всегда было странно наблюдать, как малые дети берут власть над своими родителями, как закатывают сцены в магазинах, топая ножками и визжа, требуя купить себе все, что ни захотелось. Она, Ася, помнится, уничтожала все детские капризы на корню, в самом их зародыше – Павлик со Светой и пикнуть не смели где-нибудь в общественном месте. Да и дома тоже. А чтоб матери нахамить – о таком и подумать страшно было. И вот, пожалуйста, дождалась!.. Враг она им, что ли, в самом деле? Подумаешь, на девчонку не так взгля-

нула! Потому и взглянула, что не нравится она Асе. Потому что не она сейчас нужна Павлику. Потому что мать лучше знает, что ему сейчас действительно нужно...

– Ну, мам... Ну, чего ты... Обиделась, что ли? Я вполне нормально с тобой разговариваю! Просто ты слышать меня не хочешь...

Павлик вздохнул и, удрученно замолчав, уселся напротив на кухонный стульчик, пытаясь заглянуть матери в глаза.

– Ну, не плачь, чего ты...

– Да, не плачь... – тихо всхлипнула Ася, вытирая дрожащими маленькими ладошками слезы со щек. – Мне так трудно одной вас поднимать, я ведь только ради вас со Светой и живу теперь. Как папы не стало, мне кажется, и меня самой будто нет совсем... А еще ты хамишь...

– Да не хамлю я, мам! Мне странно просто – чего ты на девчонку так взъелась?

– Да, взъелась! А зачем ты ей голову морочишь? Вон до чего уже дошло – домой, в постель свою затащил! Так и опомниться не успеешь, как она тут жить останется!

– Ну, и останется. И что?..

– Павлик, да ты с ума сошел... Что ты говоришь такое? Тебе же учиться надо! Тебе же еще три года учиться, ты не забыл? Да и после тоже... На ноги вставать...

– Ну и что? Маргошка-то тут при чем? Она мне мешает на ноги встать? Гирями на них висит?

– Да, Паша, висит! Ты просто не замечаешь этого, а я ви-

жу! Потом захочешь эти гири сбросить, да поздно будет! Вот возьмет и объявит тебе завтра о своей беременности, что тогда делать будешь?

– Ой, мам, ну прекрати, ради бога, – поморщился недовольно Пашка, – ты прямо как с Луны свалилась или из прошлого века вынырнула... И вообще, мам, не вмешивалась бы ты, а?..

– То есть как это – не вмешивалась? – подняла на сына холодные и злые глаза Ася. – Я должна спокойно смотреть, как никчемная девица ломает твою судьбу, и молчать при этом?

– Ну почему никчемная, мам...

– Да потому! Потому что я это вижу! Нормальная и воспитанная девушка не останется ночевать у парня! Потому что есть общепризнанные правила морального поведения: ей должно быть неловко при мне, твоей матери, и перед своими родителями, которые ее дома ждут! И беспокоятся! И вообще, тебе сейчас не об удовольствиях плотских надо думать, а об учебе! Надо уметь правильно расставлять акценты, сынок! Всему свое время...

– Жить по плану, значит? – скептически усмехнулся юноша.

– Да, сынок, именно так. По плану. А иначе нам с тобой нельзя. Не можем мы иначе.

– Ага. Только давай уточним – по *твоему* плану...

– Ну зачем ты так? Правильнее будет, по нашему... Согла-

сись – институт закончить необходимо? Необходимо. Место хорошее получить надо? Надо. Материально-жизненную базу себе заработать нужно? Нужно. А потом уж и семейную жизнь начинай, какую захочешь, – хоть гражданскую, хоть официальную...

– Так это тебе так надо, мам. А ты не задумывалась над тем, нужно ли все это мне?

Пашка произнес последние слова совсем тихо, едва слышно и будто равнодушно даже, словно обращаясь, скорее, к самому себе, а только Ася испугалась вдруг. Очень испугалась. Поваяло от его тихого голоса чем-то тревожным и незнакомым, и захотелось отгородиться, спрятаться от его непонятного вопроса, от этих новых, вызвавших сильное беспокойство интонаций сына или убежать куда-то поскорее... Правильно, лучше убежать, чтоб не развивать тему, не дай бог...

– Ой, Павлик, ну что ж я тут с тобой сижу-то – опять на работу опоздаю! – резво соскочила она со стула и метнулась суетливо в прихожую. – Второй день уже! С ума тут с вами сойдешь, господи...

Быстренько собравшись, Ася выскочила из квартиры и даже лифта ждать не стала – застучала каблуками вниз по лестнице, как будто гнался кто за ней. Как будто кто-то жестокий и неумолимый хотел непременно настичь ее и отнять детей, таких хороших и послушных, разумно вставших на правильную жизненную дорогу, не выходящих за пределы ее рамок-ограждений, таких любимых и любящих...

Выйдя из автобуса на остановке, находящейся недалеко от офиса, Ася напрямик было отправилась в знакомый супермаркет, чтобы прикупить по привычке колбаски-сыру-салатиков для своего «бистро», да вовремя одумалась. Она так и не сумела сочинить вчера никаких «дельных предложений» по поводу не понравившихся начальнице методов кормления сотрудников: сидела-сидела за чистым листом бумаги, и ничего путного Асе в голову не пришло. Ну какие такие тут могут быть предложения, в самом-то деле? Если жаба тебя душит – не корми. Вот и все. Предложения какие-то... Вот написать бы вместо них одну эту короткую строчку про жабу, да и положить начальнице на стол! Только ж Ася никогда на такое не осмелится. Это же конфликт будет. С последующим выяснением отношений. А отношения выяснять она страсть как не любит, да и не умеет. И даже с родными детьми в том числе, как выяснилось...

Весь день ее не покидало странное и тревожное чувство неясной угрожающей опасности, возникшее так внезапно после утреннего разговора с Павликом. Но временами оно все же стихало, уступая место возмущению, – да как он смеет вообще?! Она что, плохая мать? Она зла ему желает? Или радоваться должна присутствию в доме этой пустой и наглой девчонки, которая даже на первый взгляд ему не пара и которая только отвлекает его от занятий? И вообще, что происходит с ее детьми? Оба как с цепи вдруг сорвались. Одна фантазировать принялась по поводу захвата ее внутренности

бедной, ничего не подозревающей Жанночкой, другой матери начал хамить да обвинять бог знает в чем... Как же он там сказал? Ага, вот: вроде того, что не хочет больше жить по ее планам. Ну, и не бессовестный ли? Как будто она чужая ему. Кому же, как не матери, жизнь своего ребенка планировать? Сами инфантильные еще, ничегошеньки не могут самостоятельно пока, а туда же...

Ася считала, что сама она инфантильной никогда не была, – жизненных предпосылок для этого не имелось. Быстро училась самостоятельности, так как мама растила ее одна, без мужа и безо всяких там дедушек-бабушек, и жизнью единственной дочери не интересовалась совсем. Некогда маме было – она свою личную жизнь изо всех сил пыталась наладить, все искала свое женское счастье. Асе только и оставалось, что ставить ее в известность по поводу уже свершившихся событий: «Мама, я поступила в институт! Мама, я вышла замуж! Мама, ты скоро будешь бабушкой...» Это мама уже потом, в старости, когда осталась совсем одна, свою личную жизнь так и не устроив, начала осаждать Асию пристальным вниманием и требовать положенную ей дочернюю любовь. «Поскольку у меня своей жизни так и не состоялось, буду жить твоей жизнью! А что? Дочь ты мне или кто, в конце концов?» – заявила она как-то Асе и тут же принялась приводить свою угрозу в исполнение, немедленно затребовав дубликаты ключей от квартиры, чтобы «помогать по хозяйству», то бишь внимательно исследовать Асину семейную

территорию; а также стала настаивать, чтобы дочь находила время для долгих и душевных разговоров с трогательными откровениями и выворачиванием Асиной души наизнанку. Все ей вдруг захотелось про Асю знать: и с кем работает, и с кем дружит, и какова ее интимная с мужем жизнь... Асе все время казалось, что мама ее даже физически наизнанку выворачивает и с горячим, нездоровым любопытством вглядывается, детально все рассматривая. И это было ужасно, ужасно противно... Даже домой идти не хотелось. А потом пошли в ход чтение Асиных записных книжек, Асиных писем, проверка сумочек, карманов и косметичек. Ася все это стоически, конечно, терпела. И все время давала себе слово: она никогда, никогда не станет вести себя подобным образом со своими взрослыми детьми. Ася будет их уважать, считаться с их мнением, и они будут ее уважать, ценить, и на протяжении всего материнства – с самого их рождения – она будет им заботливой, любящей и все понимающей матерью...

А что – Ася и уверена была абсолютно в хорошем, правильном своем материнстве. До сегодняшнего утра. Никогда, никогда Павлик не говорил с ней раньше так! Даже Светкина странная истерика по поводу Жанночкиных в нее переселений не напугала Асю настолько, как тихий Павлушин голос и неожиданный его вопрос: «А не задумывалась ли ты о том, что все это так уж и надо мне, мамочка?»

Часть II

5

Татьяна подслушивала. Ей ужасно, ужасно стыдно было стоять под дверью Риткиной комнаты, приняв эту нелепую позу охотничьей собаки перед броском, но отойти было выше ее сил – слишком уж заинтересовал разговор, происходивший за этой дверью...

– Да она тебя как щенка на поводке держит, мамочка твоя! Неужели ты этого не понимаешь?! Такую рожу состроила, когда меня утром увидела... Будто нам с тобой по десять лет и мы еще не доросли до секса, вроде как задевает это ее материнскую щепетильность! А ты ведешься! Фу, противно как...

– Маргошка, ну что ты несешь всякую чушь! Слушать же невозможно! Она самая обыкновенная мать, чего ты от нее хочешь?! По-твоему, она должна была на шею тебе от радости кинуться? И вовсе не из-за твоего утреннего появления мама запаниковала – она боится, что это моей учебе помешать может...

– Хм... Тогда я представляю, как она испугается, когда правду узнает.

– И не говори! Я и сам боюсь. Ну скажи, почему все так

по-дурацки сложилось, а? Я ведь очень, очень люблю свою мать... И она меня любит, я знаю... А только странные какие-то у нас с ней отношения получаются: вымученно навязанные в чем-то, жестко зависящие от правильного нашего с сестрой поведения. Мы со Светкой мамину любовь в обмен за послушание получаем, а она нашу – за вечное свое страдание, беспокойство о нас... Порочный круг какой-то! И у нее нет своей собственной, отдельной от нас жизни, и мы с сестрой будто по рукам и ногам связаны. Ну вот посуди, как я ей про институт скажу? Она же с ума сойдет!

– Так, может, на заочный переведешься? А? Поговори с ребятами...

– Ой, да все это полумеры, Маргошка, нестоящий компромисс! Не хочу я там учиться, неинтересно мне это. И не нужно.

– Зато маме твоей нужно! Ты представляешь, что вообще с ней будет, когда она узнает? И еще, ты говорил: этот дядька, муж ее подруги, заплатил за тебя... Выходит, ты круговой должник, Пашка!

– А я просил за меня платить? А меня кто-нибудь спрашивал, хочу я там учиться или нет?

– Паш, ну они же тебя любят... Они же как лучше хотели...

– А человек, Маргошка, сам знает, что для него лучше, и неважно, какого возраста этот человек и как к нему относятся его родители. Самое ценное для любого – свобода вы-

бора, понимаешь?

– Да я-то понимаю... – вздохнула девушка и заговорила о том, что сильно обидело Татьяну. – Насколько мне известно, родители мои из-за этой самой свободы пресловутой всю жизнь друг другу испортили. Отец мой тоже все про свободу талдычил, а потом вообще свалил. И вроде любили друг друга безумно, а, выходит, все зря. Так общего языка и не нашли...

«Вот поганка какая, а?!... – возмутилась про себя Татьяна, покраснев так, будто ее пристыдили. – Зачем с каждым встречным-поперечным родительский развод-то обсуждать? Тем более с этим мальчишкой-сопляком... Да еще и ночевала у него этой ночью... А мне сказала – к подруге пошла!»

Татьяна, конечно же, давно знала, что отношения ее дочери с этим странноватым пареньком далеко не платонические, но все же... Да и не нравился ей этот мальчишка совсем: непростой какой-то, необщительный, в смысле. И взгляд у него всегда отвлеченный, будто сам в себя смотрит или думает о чем-то исключительно своем, а разговор поддерживает так, приличия ради, механически произнося, словно под фонограмму, знакомые слова. А теперь, смотри-ка, еще и про свободу толковать начал! Нет-нет, надо в срочном порядке его от Ритки отвадить, не нужна ее дочери подобная история в жизни. Знает Татьяна, чем это вольнолюбие заканчивается. Далеко с ним не уедешь. Нет, еще чего не хватало: сопляк совсем, а туда же – свобода выбора...

Задумавшись, она еле успела отпрыгнуть от отворившейся неожиданно двери и сделать вид, будто очень внимательно, очень сосредоточенно роется в ящике (будто специально для нее открытом, к счастью, в тот момент) стоящей в прихожей тумбочки. Перебирая суетливо старые квитанции и стараясь придать голосу нотки острой озабоченности, спросила на одном дыхании:

– Ритуль, вся обыскалась, а где счет за междугородку за прошлый месяц? Ты не видела, случаем?

– Видела. Вот он.

Рита спокойно протянула руку и, не поворачивая головы, достала нужную квитанцию с полочки, куда по сложившейся годами традиции автоматически складывались все счета, и протянула ее матери, понимающе и грустно улыбнувшись при этом. Затем, обернувшись к стоящему на пороге ее комнаты Павлику, так же ровно спросила:

– Вы опять сегодня до ночи репетировать будете?

– Не знаю, Марго. Конкурс уже через две недели, готовиться бы надо серьезно...

– Кому готовиться-то?!.. Эти козлы твои институтские сели тебе на шею и сидят. Одно только название, что группа – слова твои, музыка твоя, вокал твой!.. На конкурс они с тобой собрались, смотрите-ка! Кругом все сплошные юные дарования! На чужом горбу проехать...

– Ладно, не ворчи. Я позвоню. Жди. Сама не звони – отвлекать будешь. Ну все, пока...

«Надо же, разговаривают так, будто меня здесь и нет! – сердито подумала Татьяна, уходя на кухню. – Совсем уже обнаглели! Ну, погоди, дочь, устрою я тебе сейчас семейно-гражданскую разборку...»

В сердцах она почти кинула чайник на загоревшуюся веселыми синими язычками газовую конфорку, со звоном начала доставать с полки чашки.

– Ритка, иди с матерью чаю попей! – крикнула в глубину квартиры Татьяна, как только за Павликом захлопнулась входная дверь. – Удели своей недостойной матери хотя бы пять минут внимания! Она по тебе уже соскучиться успела, пока ты по чужим квартирам с мужиками шлялась!

– Ну чего ты орешь, как злая кондукторша? – нарисовалась в кухонном проеме улыбающаяся как ни в чем не бывало Ритка. – И чего это тебе в голову вдруг взбрело подслушивать? А? Вроде раньше такое безобразие за тобой не замечалось...

Ритка никогда не знала точно, любит ли она так уж безумно свою мать. Вот спроси ее – и не скажет. Зато знала совершенно точно, что может разругаться с ней всласть, а потом так же всласть и помириться. Да и ругань их всегда была какой-то игрушечной, ненастоящей. Они могли наорать друг на друга страшно и обозвать друг друга просто бог знает как, но бранные эти слова будто отскакивали от них, как горох, не задевая и не рняя, будто играли мать с дочерью в некую завлекательную игру или упражнялись в театральном действе,

подзадоривая одна другую яростными, натуральными крикливыми репликами. И, глядя на них посторонним, искусственным глазом, могло показаться, что где-то там, в темном зале, сидит невидимый талантливый режиссер и одобрительно кивает им седой и умной головой: верю, мол, вам, девочки, верю... Давайте-давайте, молодцы, девочки...

– Ну, один-то раз в жизни можно и подслушать, чего уж... – махнула Татьяна в Риткину сторону широким жестом. – Зато сразу столько нового о себе узнала!

– Это ты про свой развод, что ли?

– Ритка, ну на фига это с каждым встречным-поперечным обсуждать, скажи? Да и развода еще никакого у нас не было. Просто отец твой с ума сходит. Не нравится ему, когда правду говорят.

– Какую такую правду, мам? Сдалась ему сто лет твоя правда! У него своя есть. Вот он ее и отстаивает. А Пашка, между прочим, никакой не встречный-поперечный, он мой друг!

– Да?.. Друг?.. С друзьями не спят, Ритка, с ними дружат. Ты не знала разве?

– Ой, да ладно! Еще начни меня ранней беременностью пугать! Не опускайся до ханжества, а то уважать перестану, поняла?

– Нет, Ритка, беременностью пугать не стану. Вы сейчас в этом деле грамотные, сами кого хошь испугаете. Я тебе другое скажу – он мне в принципе не нравится, Пашка твой...

– Хм... Вообще-то он и не обязан тебе нравиться... Ну ладно, валяй, выкладывай свое материнское мнение. Какой там принцип у тебя объявился, влияющий на симпатию?

– Слушай, а он что, институт решил бросить?

– Ты и это даже успела услышать? Ничего себе... Чтоб в первый и последний раз подслушивала, поняла? А то, не дай бог, понравится еще!

– Да ладно... – нетерпеливо махнула рукой Татьяна. – Не учи мать жить. Умная какая...

– Да, с институтом Пашка круто поступил, конечно. На этот факультет конкурс всегда огромный, и даже за деньги только каждого пятого берут. А он взял и сам притащил в деканат заявление: прошу, мол, меня отчислить по собственному и глубоко мною осознанному желанию. Представляешь? Решил, что ему не нужно то, чем он никогда в жизни заниматься не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.